

К 20-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРАЯ ОТ КОЛЧАКОВЩИНЫ

Алтай времен Колчака—это зарево подожженных сел, море крови и слез, сплошной стон сотен тысяч людей

В те дни

Мне годов-то уж много. Девятьдесятков скоро будет. Всякое я на своем веку видела, особенно горе, перенесла вдвоем.

В девятнадцатом году к нам на село колчаковцы пришли. Все село сточить начало. Карапеты ни одной избы не прошли, чтоб не проверить, ни одного сундука закрытого не оставили. У меня кофта с юбкой в сундуке лежали из шерстяной материи. Пришли—забрали.

Вой по селу стоял из комца в конец. Все спрашивали где мужики с парнями. А народ молчит. Пороть стариков начали, так пороли, что кровь живой в зубах не оставили. Ко мне соседка прибежала, шепчет:

— Беги, Февронья. Скоро в твою избу придут.

Страх меня взял. Мужик-то мой с тремя сыновьями в горы ушел. Соседки знали, что я им харчи таскала. Лепешек напеку и тапчу. Ити до них далеко, верст 30, а я через деня к ним ходила. Слышишь шум у избы. Ну, думаю, идут... Первый вошел поп Лаврентий и сказал: «Это, вспомни благородие, — старуха Панчиха. Про мужа ее я вам доказывала. Ноги у меня подкосились, так клаве и тянет присесть. Офицер подошел ко мне и концом своей палки поднял мою голову за подбородок.

— Где сыновья, где отец?

Я молчу. Вся страхом трясусь. Прямо на офицера гляжу.

— Ну, где мужики? Не скажешь... — и ударил меня палкой по плечам, по kostям. Я на него и навалилась, от боли свету не взвидела. Оттолкнул он меня, на пол упала.

— Ты кому таскала продовольствие? Куда проносила на целые дни? Партизан кормишь, сука? Плетями ее.

Начали меня пороть, а офицер стоит и считает.

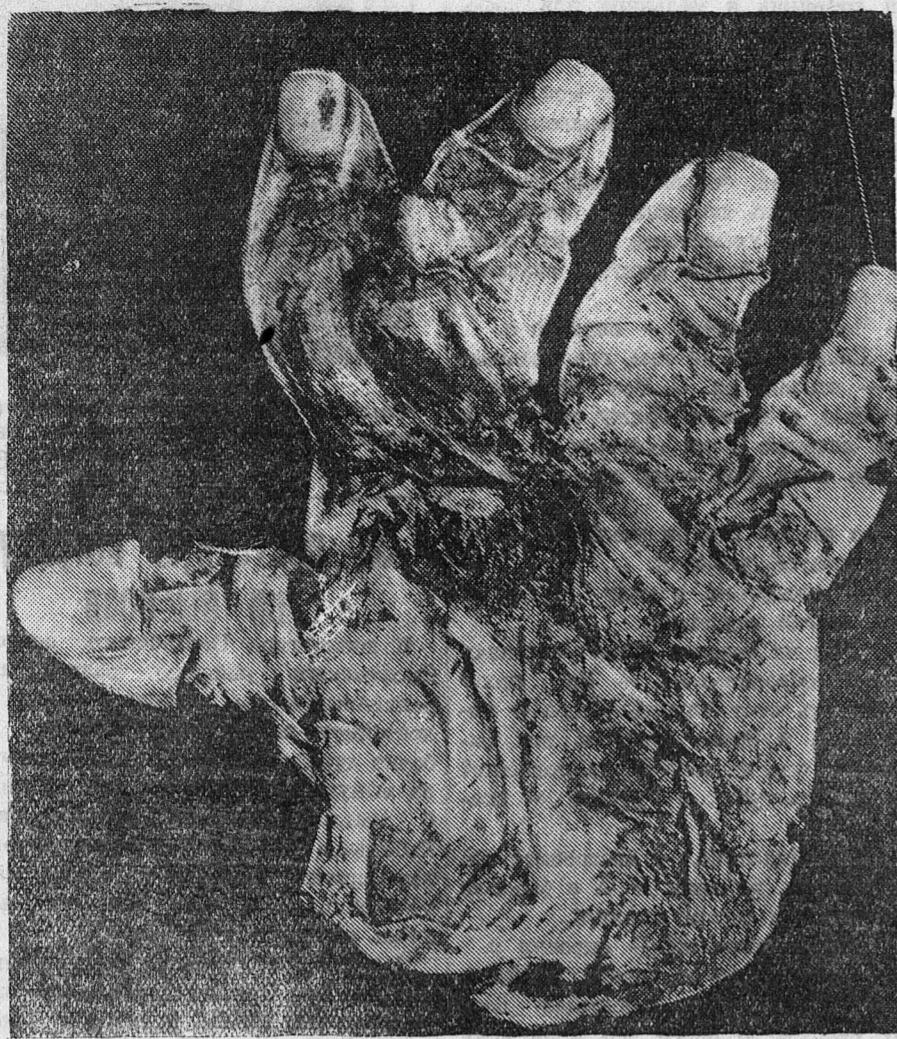
— Ну, скажешь, где партизаны? — Я молчу. У меня перед глазами будто сыновья с мужем стоят и говорят: «Молчи, мать, не выдавай нас». Я лежу и все молчу. Не выдал я вас, мылье, не выдал. Делайте свое дело, колчаковцы от меня ничего не добьются. Кончили пороть. Опять в слова играть начали: скажи, да скажи. Я им слова им не сказала. Снова начали пороть. Сознание я потеряла, ничего дальше не помню.

Потом видно соседки прибежали, в чувство меня привели и от крови отмыли. Как колчаковцы от нас ушли, я долго в постели лежала.

Вот сейчас и думаю: больно было, страшно было, я ни слова врагу не сказала, но выдала сынов. А ведь в смерти совсем уж приготовилась, до не страшна она была. Коли человек за правое дело страдает, смерть всегда легкая.

Выходили меня, вылечили. Сейчас я полную норму на полке городов выполню. От молодых не отстану.

Ф. ПАНКОВА,
колхозница с. Огни, Усть-Калманского района.

«Перчатка» из человеческой кожи, содранная колчаковцами в 1919 году с руки живого красноармейца на станции Сахарная, бывшей Уральской области.
Фото фотокорреспондента ТАСС.

Этого никогда не забыть

Как случился колчаковский переворот весной 1918 года, мы организовали подпольный штаб. Было нас в штабе около 20 человек из разных властей и держали мы связь с Совдепом г. Бийска.

Был в селе Нининке тамошний житель, матрос Федоров Гаврила. Он еще сразу после революции, как вернулся домой, поставил в честь революции посреди села столб с надписью: «За свободу». Были у него припрятаны пулеметные ленты и пулемет. А мне он дал наган. Мы связались со сторожем волостного управления, чтоб сообщал о появлении бельев.

Вот приехали вечером 40 колчаковцев, остановились в сбранне и начались. Сторож прибежал к нам сообщить, что спят, как свиньи. Мы подошли к волостному управлению. Сторож отворил. Все снят. Огонь горит — контилка.

Я взял в углу 4 винтовки и стал передавать другим. Одна винтовка упала, выстрелила. Колчаковцы — милиционеры вскочили, видят нас, бросились в окна. Мы за ними. Которых догнали — убили, закопали в снег.

Недели через полторы опять пришел отряд, мы его разогнали, нескольких поймали, но поддались уговорам местных милиционеров — отпустили. А милиционеры вернулись с добровольцами, потом многих арестовали.

Пришло распоряжение, чтобы сдать Колчаку все военное обмундирование, у кого какое есть. Мы собрали первоначально в сбранне 4000 рублей и говорят: «Мы знаем где».

Приезжают на замку, на реку Урэг. Там Гаврилов Федоров и Емельян Гурьянов молят овес. Заставили их ехать. «Поехайте, иначе все село будут сжигать». Привели в волостное управление. Матроса Федорова Гаврилу старики пытали — кто с нимставил столб «За свободу». Его пороли, посы

ИЗВЕРГИ

Тяжело вспоминать время Колчака, время разгула нагаек, шомпола, изdevательства. Сколько мук, сколько горя перенесено от карапетов. Бийские жители никогда не забудут людей, погибших за счастливую жизнь. Имена этих людей будут жить, а слава их неувядаема.

Первым комиссаром по просвещению в Бийске был большевик Галактион Малетин. Когда Колчаку удалось свергнуть Советскую власть, его убили. Его не просто убивали, а жестоко казнили. Сначала все тело исконоли шомполами и когда он после этого оказался жив, в него стали забивать гвозди. Истерзанный труп большевика бросили в реку. В то время расстреляли прекрасных людей, стойких борцов за свободу — Митрофанова и Князева.

Убили карапеты прекрасных людей. Но не убили они народ, не убили воли народной к победе. И трудящийся народ под руководством большевиков навсегда изгнал интервентов и белые банды Колчака, восстановив в Сибири власть Советов, под знаменем которой мы счастливо живем вот уже 20 лет.

П. С. СПИРИДОНОВ,
бывший командир красногвардейского отряда.

помощником выступили против сдачи обмундирования. Неожиданно весь штаб был захвачен белыми.

Когда нас окружили белые, я хотел схватить дела, но Кузинцов не дал, хотел передать белым — он был предатель. Белые сразу убили трех братьев Брякиных, арестовали около полсотни, а мы трое — Федоров Гаврил, Гурьянов Емельян и я — сбежали. Я спрятался в подполье у Нюютова Степана Ивановича.

В Нининке собирают сход, выступают прапорщик и говорит: «Если не выдадите главарей, то сожжем все село и никого не выпустим». Конtribуцию наложили 55 тысяч. Выступают Пузанов и Бишбармаков, махровые кулаки благословили.

Купец Ложников и полковник подошли к виселице и сказали другим: «Вот вам земля и воля» и похлопал полковника по виселице. Карапеты все хотели узнать, кто убил милиционеров. Один старик поклонился на наряду, сказал, что его сын. Их схватили и повесили, поп Колмаков благословил.

Редкий привез домой сапоги, снятые с убитого милиционера. Его нашли и взяли. Он выдал человек 15, а 16-го повесили его — узелок надели, скамейку выбили. Перепороли человек 300.

И. ПЛАКУНОВ,
с. Уч.-Пристань.

помощником выступили против сдачи обмундирования. Неожиданно весь штаб был захвачен белыми.

Когда нас окружили белые, я хотел схватить дела, но Кузинцов не дал, хотел передать белым — он был предатель. Белые сразу убили трех братьев Брякиных, арестовали около полсотни, а мы трое — Федоров Гаврил, Гурьянов Емельян и я — сбежали. Я спрятался в подполье у Нюютова Степана Ивановича.

В Нининке собирают сход, выступают прапорщик и говорит: «Если не выдадите главарей, то сожжем все село и никого не выпустим». Конtribуцию наложили 55 тысяч. Выступают Пузанов и Бишбармаков, махровые кулаки благословили.

Купец Ложников и полковник подошли к виселице и сказали другим: «Вот вам земля и воля» и похлопал полковника по виселице. Карапеты все хотели узнать, кто убил милиционеров. Один старик поклонился на наряду, сказал, что его сын. Их схватили и повесили, поп Колмаков благословил.

Редкий привез домой сапоги, снятые с убитого милиционера. Его нашли и взяли. Он выдал человек 15, а 16-го повесили его — узелок надели, скамейку выбили. Перепороли человек 300.

И. ПЛАКУНОВ,
с. Уч.-Пристань.

помощником выступили против сдачи обмундирования. Неожиданно весь штаб был захвачен белыми.

Когда нас окружили белые, я хотел схватить дела, но Кузинцов не дал, хотел передать белым — он был предатель. Белые сразу убили трех братьев Брякиных, арестовали около полсотни, а мы трое — Федоров Гаврил, Гурьянов Емельян и я — сбежали. Я спрятался в подполье у Нюютова Степана Ивановича.

В Нининке собирают сход, выступают прапорщик и говорит: «Если не выдадите главарей, то сожжем все село и никого не выпустим». Конtribуцию наложили 55 тысяч. Выступают Пузанов и Бишбармаков, махровые кулаки благословили.

Купец Ложников и полковник подошли к виселице и сказали другим: «Вот вам земля и воля» и похлопал полковника по виселице. Карапеты все хотели узнать, кто убил милиционеров. Один старик поклонился на наряду, сказал, что его сын. Их схватили и повесили, поп Колмаков благословил.

Редкий привез домой сапоги, снятые с убитого милиционера. Его нашли и взяли. Он выдал человек 15, а 16-го повесили его — узелок надели, скамейку выбили. Перепороли человек 300.

И. ПЛАКУНОВ,
с. Уч.-Пристань.

помощником выступили против сдачи обмундирования. Неожиданно весь штаб был захвачен белыми.

Когда нас окружили белые, я хотел схватить дела, но Кузинцов не дал, хотел передать белым — он был предатель. Белые сразу убили трех братьев Брякиных, арестовали около полсотни, а мы трое — Федоров Гаврил, Гурьянов Емельян и я — сбежали. Я спрятался в подполье у Нюютова Степана Ивановича.

В Нининке собирают сход, выступают прапорщик и говорит: «Если не выдадите главарей, то сожжем все село и никого не выпустим». Конtribуцию наложили 55 тысяч. Выступают Пузанов и Бишбармаков, махровые кулаки благословили.

Купец Ложников и полковник подошли к виселице и сказали другим: «Вот вам земля и воля» и похлопал полковника по виселице. Карапеты все хотели узнать, кто убил милиционеров. Один старик поклонился на наряду, сказал, что его сын. Их схватили и повесили, поп Колмаков благословил.

Редкий привез домой сапоги, снятые с убитого милиционера. Его нашли и взяли. Он выдал человек 15, а 16-го повесили его — узелок надели, скамейку выбили. Перепороли человек 300.

И. ПЛАКУНОВ,
с. Уч.-Пристань.

помощником выступили против сдачи обмундирования. Неожиданно весь штаб был захвачен белыми.

Когда нас окружили белые, я хотел схватить дела, но Кузинцов не дал, хотел передать белым — он был предатель. Белые сразу убили трех братьев Брякиных, арестовали около полсотни, а мы трое — Федоров Гаврил, Гурьянов Емельян и я — сбежали. Я спрятался в подполье у Нюютова Степана Ивановича.

В Нининке собирают сход, выступают прапорщик и говорит: «Если не выдадите главарей, то сожжем все село и никого не выпустим». Конtribуцию наложили 55 тысяч. Выступают Пузанов и Бишбармаков, махровые кулаки благословили.

Купец Ложников и полковник подошли к виселице и сказали другим: «Вот вам земля и воля» и похлопал полковника по виселице. Карапеты все хотели узнать, кто убил милиционеров. Один старик поклонился на наряду, сказал, что его сын. Их схватили и повесили, поп Колмаков благословил.

Редкий привез домой сапоги, снятые с убитого милиционера. Его нашли и взяли. Он выдал человек 15, а 16-го повесили его — узелок надели, скамейку выбили. Перепороли человек 300.

И. ПЛАКУНОВ,
с. Уч.-Пристань.

помощником выступили против сдачи обмундирования. Неожиданно весь штаб был захвачен белыми.

Когда нас окружили белые, я хотел схватить дела, но Кузинцов не дал, хотел передать белым — он был предатель. Белые сразу убили трех братьев Брякиных, арестовали около полсотни, а мы трое — Федоров Гаврил, Гурьянов Емельян и я — сбежали. Я спрятался в подполье у Нюютова Степана Ивановича.

В Нининке собирают сход, выступают прапорщик и говорит: «Если не выдадите главарей, то сожжем все село и никого не выпустим». Конtribуцию наложили 55 тысяч. Выступают Пузанов и Бишбармаков, махровые кулаки благословили.

Купец Ложников и полковник подошли к виселице и сказали другим: «Вот вам земля и воля» и похлопал полковника по виселице. Карапеты все хотели узнать, кто убил милиционеров. Один старик поклонился на наряду, сказал, что его сын. Их схватили и повесили, поп Колмаков благословил.

Редкий привез домой сапоги, снятые с убитого милиционера. Его нашли и взяли. Он выдал человек 15, а 16-го повесили его — узелок надели, скамейку выбили. Перепороли человек 300.

И. ПЛАКУНОВ,
с. Уч.-Пристань.

помощником выступили против сдачи обмундирования. Неожиданно весь штаб был захвачен белыми.

Когда нас окружили белые, я хотел схватить дела, но Кузинцов не дал, хотел передать белым — он был предатель. Белые сразу убили трех братьев Брякиных, арестовали около полсотни, а мы трое — Федоров Гаврил, Гурьянов Емельян и я — сбежали. Я спрятался в подполье у Нюютова Степана Ивановича.

В Нининке собирают сход, выступают прапорщик и говорит: «Если не выдадите главарей, то сожжем все село и никого не выпустим». Конtribуцию наложили 55 тысяч. Выступают Пузанов и Бишбармаков, махровые кулаки благословили.

Купец Ложников и полковник подошли к виселице и сказали другим: «Вот вам земля и воля» и похлопал полковника по виселице. Карапеты все хотели узнать, кто убил милиционеров. Один старик поклонился на наряду, сказал, что его сын. Их схватили и повесили, поп Колмаков благословил.

Редкий привез домой сапоги, снятые с убитого милиционера.